

ЭТА СМЕРТЕЛЬНАЯ СПИРАЛЬ
ЭТОТ ЖЕСТОКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Продолжение следует...

**ЭТОТ
ЖЕСТОКИЙ
ЗАМЬСЕЛ**

ЭМИЛИ СУВАДА

Freedom

Москва

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С89

Emily Suvada
THIS CRUEL DESIGN
THIS CRUEL DESIGN © 2018 by Emily Suvada

Сувада, Эмили.

С89   Этот жестокий замысел / Эмили Сувада ; [пер. с англ. О. Н. Норицыной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Young Adult. Антиутопия. Дети апокалипсиса).

ISBN 978-5-04-100180-3

Эпидемия смертельного вируса закончилась, но борьба Катарина только начинается.

Отец девушки, гениальный ученый, повинный в смерти миллионов людей, не собирается прекращать свои бесчеловечные разработки. Кэт, Коул и Леобен отчаянно пытаются найти способ его остановить. Но все их действия заранее обречены на провал, ведь Катарина не может контролировать даже свой разум: девушка стала жертвой пугающих видений прошлой жизни, о которой она и не подозревала. Столкнувшись с ложью и предательством самых близких людей, Катарина вынуждена действовать самостоятельно. И хотя ее отец всегда на шаг впереди, самой большой угрозой для Кэт могут стать секреты, скрытые в ее собственном подсознании.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100180-3

© Норицына О.Н., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Ларе Бет Джонсон — я тобой восхищаюсь

ГЛАВА 1

УЖЕ ПОЛНОЧЬ, но закат все еще не уступает тьме. Здесь, на севере, из-за наклона земной оси день тянется до позднего вечера. Надо мной парит огромнейшая стая странствующих голубей¹, а кончики их перьев тускло светятся, отчего птицы напоминают рой светлячков. Они пикируют вниз и проносятся между деревьями выверенными и ловкими движениями, и кажется, что на темнеющем небе начался звездопад. Их крики эхом разносятся по крутым горным склонам, наполняя бодрящий ночной воздух громоподобными звуками.

Стая совсем не похожа на ту, что летала над хижинкой. Эти птицы — новый вид со своими мутациями и причудами. Их пронзительные крики прерываются чередой непередаваемого жужжания и щелчков. Они становятся умнее с каждым новым поколением.

Как будто учатся говорить.

---

¹ Странствующий голубь — вымерший вид семейства голубиных, который обитал в лиственных лесах Северной Америки. Птицы вели кочующий образ жизни, собираясь в огромные стаи по миллиону особей.

— Расслабь ноги. Смотри на меня, — медленно кружа вокруг меня, говорит Леобен.

Я отвожу взгляд от стаи и стараюсь не так сильно давить на пятки. Мои кулаки подняты, волосы на плечах спутались. Мы в чаще леса, трава вокруг втоптана в землю. Во рту кровь, на коже грязные разводы, а на каждом сантиметре моего тела расцветают синяки.

— Не теряй бдительности, кальмар.

Я напрягаюсь.

— Ты только что назвал меня кальмаром?

Почти незаметная улыбка появляется на губах Леобена, отчего у меня все сжимается в животе. Он снова готовится напасть — я вижу это по его глазам. Парень безоружен и, уверена, не причинит мне вреда. Но Леобен все-таки тайный агент. Стержень мастерски тренируемого с детства оружия «Картакса». Каждое его движение отточено и смертоносно, а гибкие мышцы напрягаются под татуированной кожей рук. Его улыбка превращается в оскал, он наклоняет голову, а затем отталкивается и устремляется вперед в почти невидимом движении.

Нет времени на размышления. Я отпрыгиваю в сторону, чтобы уклониться от кулака, летящего в ребра, но тут другая его рука оказывается на моем горле. Я вскидываю колено, а затем посылаю локоть навстречу его челюсти и отступаю назад. Вот только он уже успел подставить туда ногу.

И хватает лишь легкого толчка, чтобы я потеряла равновесие. Но, несмотря на то что он отправляет меня в полет, я не могу не восхищаться его грациозностью. Его пальцы сжимают мою шею, направляя мое падение. Я лечу вперед спиной и ударяюсь о землю с такой силой, что из легких выбивает весь воздух.

Потирая челюсть, Леобен отступает назад, а я хриплю и сворачиваюсь калачиком на земле.

— Хорошо, — кивая, говорит он.

Я перекатываюсь на колени и пытаюсь отдышаться.

— Хорошо? Да я едва тебя коснулась.

Он наклоняется и помогает мне подняться.

— Ты делаешь успехи, но тебе нужно стать более агрессивной. Ты должна пытаться повалить меня.

Я встаю на ватных ногах, пытаюсь разогнать серебристые блики перед глазами. Мы тренируемся уже несколько дней, и каждый раз кажется, словно в меня врезалась машина, но все же Леобен прав — прогресс есть. Реакция ускоряется, чувства обостряются, а на плечах и предплечьях появились намеки на мышцы. Я никогда не ощущала себя такой беспомощной, как во время тренировок с Леобеном, но почему-то только в эти моменты я уверена в том, что контролирую ситуацию.

— Ты в порядке? — глядя на меня, спрашивает Леобен. — Выглядишь не очень хорошо.

Покачиваясь, я тру глаза.

— Да, я в порядке.

Он качает головой, и на синих полосах под его ресницами поблескивает умиравший свет заката.

— Из тебя никудышный лжец. Пойдем. Скоро Коул вернется с обхода. Нам придется прерваться на ночь, или он надерет мне задницу за то, что я тебя избил.

— Я отключила код, влияющий на его защитный инстинкт.

— Знаю, — говорит Леобен. — Но он все равно надерет мне задницу.

Он обнимает меня за плечи и провожает в наш импровизированный лагерь. Мы припарковали джипы на вытоптанной поляне и растянули между ними камуфляжный брезент. Машины окружают высокие большие деревья с покрытыми мхом стволами, у подножия которых раскинулись папоротники. Мы уже неделю прячемся в чаще леса в часе ходьбы от лаборатории «Проекта Заратустра». В первую ночь, после того как я взорвала генкиты, мы разбили лагерь на парковке, но туда прибыл отряд «Картакса», и нам пришлось бежать.

Никому из нас не хотелось оставаться рядом с тюрьмой, в которой мы провели детство, но наши раны не позволяли нам отправиться в путь, да и идти было некуда.

Так что мы остались здесь, отдыхали и лечились, ели сухпайки и спали в джипах. В лаборатории все еще торчали солдаты, и, наверное, не стоило оставаться в такой близости от них, но «Черные купола» на джипах скрывали наше местонахождение. Кроме того, эта стая голубей с каждым днем становилась все больше, их крики разрезали воздух, а мерцающее оперение обеспечивало прикрытие, позволявшее скрыться от любопытных дронов.

Леобен распахивает задние двери джипа и вытаскивает две металлические колбы.

— Я серьезно. Тебе надо отдохнуть. Ты выглядишь не очень хорошо, кальмар.

— Перестань называть меня кальмаром, — говорю я.

Он бросает мне одну из колб.

— У тебя столько правил. Я не могу называть тебя кальмаром или картошкой. Ты моя сестра, и у тебя должно быть прозвище.

— У Коула нет прозвища.

Он закатывает глаза:

— Это потому, что его имя Коул.

Я открываю крышку и делаю глоток воды, а затем поласкаю рот, чтобы смыть кровь, и сплевываю в траву.

— А почему «кальмар»?

— Они умеют менять собственные гены так же, как ты. Головоногие. Я читал об этом.

— Ого. — Я делаю еще один глоток, отчего приходится бороться с головокружением. Запрокидываю голову. — Не знаю, что делать, обидеться или восхититься.

Он гордо скрещивает руки на груди и улыбается:

— Однозначно восхититься.

Я фыркаю, а затем поднимаю колбу, чтобы ополоснуть водой лицо. Мы с Леобеном провели большую часть недели

двоем, пока Коул восстанавливался после травм. Ли заплетал мне волосы, пока заживало огнестрельное ранение в плече, а я будила его во время кошмаров. Но даже после недели жизни как брат и сестра он все еще не звал меня «Кэт».

Честно говоря, мне все равно, хотя я и не очень люблю кальмаров. Каждый из нас троих справляется с моей личностью по-разному. Коул молчит, Ли отпускает шуточки, а я делаю то же, что и всегда, — старательно выстраиваю крепость из отвлечения и отрицания.

Ведь благодаря этому я и пережила вспышку — целыми днями взламывала серверы «Картакса», помогая повстанцам «Небес» под руководством Новак распространять медицинские коды среди выживших на поверхности. Чем усерднее работала, чем дольше торчала в подвале хижины, где находилась лаборатория отца, тем меньше страдала, когда слышала, как вдалеке взрывались люди, или когда думала о том, что им приходится давиться кусками человеческой плоти ради иммунитета.

На этой неделе у меня не было недостатка в способах убить время. Приходилось постоянно следить за панелью Коула, пока его тело регенерировалось. А еще я тренировалась с Леобенем и читала документы, которые мы с Коулом забрали из хижины. Но при этом я почти не спала, почти не ела и старательно отгоняла лишние мысли. Вероятно, это не приведет ни к чему хорошему, но пока работает. Мне удается отвлечься от того, что причиняло мне наибольшую боль.

Я почти не думала о зеленоглазом ребенке со шрамами на груди.

Цзюнь Бэй.

Она тень на окраине моих чувств, загадка, которую так и не удалось разгадать. Всю неделю я ждала, когда вернутся мои детские воспоминания, но они остаются расплывчатыми и разрозненными. Не уверена, удастся ли мне что-либо что-то вспомнить еще или этого не случится из-за моего страха

увидеть большее. Мое детство напоминает черную дыру, на орбите которой я застряла. Мне не вырваться с нее, а если подойду слишком близко, то это может разорвать меня на части. И мне потребуется вся жизнь, чтобы восстановиться после того, что со мной сделали.

Но сейчас необходимо сосредоточиться. У меня слишком много работы. Судя по всему, после Саннивейла больше не было нападений. Ни на одной панели больше не загорелись оранжевые светодиоды, а люди не превращались в толпы безмозглых убийц из-за добавленного к вакцине от гидры кода. В «Картаксе» скрывают правду о произошедшем и продолжают вести ежедневные трансляции по совместной спутниковой сети, которую создали вместе с «Небесами». Каждое утро Дакс и Новак появляются на приборных панелях джипов, рассказывают об успешном применении вакцины и обещают, что впереди нас ждет новый, объединенный мир. А все выжившие продолжают праздновать окончание чумы — в бункерах и в каждом лагере выживших бушуют вечеринки.

И никто не знает, что в их панелях осталась скрытая угроза, настоящий враг.

Доктор Лаклан Агатта. Величайший в мире кодировщик гентеха и человек, которого я когда-то называла папой.

Три года я любила его и упорно ждала, когда он вырвется из рук «Картакса», забравшего его, а затем вернется домой. На моем лице все еще проступают его черты, а в клетках — его ДНК. И если верить тому, что он сказал мне в лаборатории, его мысли прорезают мое сознание. Я пока не понимаю, что это означает и почему он решил это сделать, но знаю, что эти перемены во мне были только началом плана. Присоединенная процедура, которую он добавил к вакцине, дала ему доступ к каждой панели на планете, а его цель ужаснее, чем превращение людей в монстров.

Исследования, которые Лаклан проводил на Коуле, выявили связь между геномом и инстинктами, что позволило

определить ген, управляющий гневом — безотчетной яростью, скрытой внутри каждого из нас, закодированной в наших ДНК. Стоит только учуять резкий запах зараженного, ген активируется. А люди превращаются в безмозглых, кровожадных убийц. Лаклан думает, что с помощью вакцины может сделать человечество лучше. Он хочет навсегда перекодировать сознание каждого, насильственно стереть гнев из нашей ДНК.

Но мы не позволим этому случиться. Я лучше, чем кто-либо, знаю, каково это осознать, что твой разум тебе не принадлежит, поэтому каждую минуту с тех пор, как узнала правду, проводила исследования, выстраивала планы и училась драться.

Потому что, как только мы подготовимся, сразу же отправимся на поиски Лаклана. А потом уничтожим его.

Я закрываю колбу и бросаю ее в заднюю часть джипа. В нескольких минутах ходьбы от нашего лагеря есть ручей, и мне хочется смыть с себя эту грязь прежде, чем я попытаюсь уснуть. Правда, переодеться не во что. Да и мыло с едой и исцеляющей сывороткой почти закончились. Скоро нам придется снова отправляться в путь, но мы все еще не знаем, где Лаклан. Лучшая из зацепок, что у меня есть, это сообщение Агнес, которое я получила после расшифровки вакцины. В нем говорилось, что ей удалось отследить его до Невады. С тех пор я пыталась связаться с ней каждый день, надеясь услышать ее голос и узнать, что у нее все в порядке, правда, пока так и не смогла дозвониться.

Но я уверена, мы найдем Лаклана. Он сам сказал, что ему нужна моя помощь, чтобы завершить план. Сейчас из-за вакцины он может подавить или пробудить инстинкт, как сделал с толпой в Саннивейле, но не может изменить его навсегда. Я единственный человек, который не умрет, если его ДНК перекодируют, поэтому Лаклан хочет использовать меня, чтобы перекодировать гены всех остальных. Чтобы изменить их сознание так же, как изменил мое. Конечно,

преследовать его опасно, но, пока он жив, я буду лишь очередной пешкой на его шахматной доске.

У меня не остается выбора. Да и он сам хочет встретиться со мной. Хочет, чтобы я пришла к нему. Лаклан думает, что я действительно помогу ему, хотя мне эта мысль кажется нелепой.

Нам нужно быть осторожнее и не угодить в какую-нибудь ловушку во время поисков.

— Как сегодня твоя панель? — стаскивая с себя грязную майку, спрашивает Леобен.

Смуглая, покрытая шрамами кожа на груди поблескивает в неярком свете голубиных перьев.

Я опускаю взгляд на свою руку с грязными разводами. Резервный узел в моем позвоночнике превратился в совершенно новую панель — полосу пылающих кобальтовых светодиодов, которая тянется от локтя до запястья. Последние три года я верила, что у меня гипергенез, аллергия на наниты, которые требуются для большинства кодов гентеха. Я пережила вспышку с шестью жалкими алгоритмами, но теперь у меня их установлены тысячи: стимуляторы рефлексов, обезболивающие и даже код изменения формы бровей. Я могла бы кодировать без экрана и клавиатуры, и мой чип виртуальной реальности такой мощный, что может погрузить меня в полностью визуализированный мир.

Но я все еще не смогла заставить его работать.

Сейчас на панели работают те алгоритмы, что запускаются автоматически — исцеляющий код, фильтры органов чувств, даже стандартный набор изменения внешности, — но они не слышат меня. В моем черепе развернулась сеть из четырех миллионов наноэлектродов, записывающих электрические импульсы, которые проходят через мозг. Именно с помощью них перед глазами должен всплыть интерфейс коммуникатора по первому мысленному требованию, вот только панель все еще не составила шаблоны моих мыслей. Она не может понять, о чем я думаю сейчас: о коммуника-

торе или функции ночного видения. Распознавание сигналов шло быстрее, пока я исцелялась от ранения, но затем установка замедлилась до черепашной скорости. И теперь мне потребуются недели до полного контроля над алгоритмами...

Если только я не найду способ ускорить установку.

— Все еще не работает нормально, — говорю я, шаря рукой в задней части джипа и рыская под грудой вещей.

— Может, стоит отключить исцеляющий модуль? Если мы испугаем твою панель, она может снова ускориться, — говорит Леобен.

— У меня была подобная мысль, — доставая черный пистолет, соглашаюсь я. — Но мой план несколько примитивнее.

При виде оружия глаза Леобена сужаются. Это модель «Картакса» с глушителем, вкрученным в ствол, и перекодированным чипом прицеливания. Оружие заряжено обычными патронами — полыми полимерными пулями, начиненными исцеляющей сывороткой, которые оставляют только поверхностные травмы.

По крайней мере, они должны быть такими, если я не ошиблась в расчетах. Я их еще не тестировала.

Леобен впивается в меня взглядом:

— Ты серьезно?

— Это абсолютно безопасно.

Он фыркает и качает головой:

— По мне, так это звучит как предсмертные слова.

Он берет пистолет и вертит его в руках, взгляд Леобена становится отсутствующим. Его панель показывает данные с чипа прицеливания. Начальная скорость, отдача, имитация удара — все это отображается в виртуальном интерфейсе перед его глазами. Я бы тоже могла это видеть, работай моя панель. Но пока, когда я пытаюсь сосредоточиться на пистолете, вижу только искры от статики. Мои модули работают так — глючно и странно — всю неделю. И мне необходимо, чтобы они снова стали работать нормально. Мы